

РАЗВИТИЕ ИНДИГЕННОГО ТУРИЗМА В РОССИИ

А. П. Чемчиева

INDIGENOUS TOURISM DEVELOPMENT IN RUSSIA

A. P. Chemchieva

Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00170.

Представленная статья посвящена изучению российского опыта развития индигенного туризма и включения коренных малочисленных народов России в туристическую деятельность. В соответствии с поставленной целью в статье проанализированы терминологические проблемы, связанные с определением индигенного туризма. В статье отмечается, что Россия стремится развивать индигенный туризм с целью решения задачи модернизации традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов. Проблемы становления индигенного туризма рассматриваются в статье на примере нескольких российских регионов. В качестве положительных примеров представлен опыт двух территорий – Ямало-Ненецкого автономного округа и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. В качестве недостаточно успешных примеров развития индигенного туризма представлен опыт Хабаровского и Алтайского краев. В заключении статьи делается вывод о том, что становление индигенного туризма в России находится на ранней стадии развития.

The paper focuses on researching the Russian practices of indigenous tourism development, as well as involvement of Russia's indigenous people into the touristic activities. According to this subject, several tasks are set: to analyze the terminological problems of indigenous tourism; to represent the landmarks of Russian state policy, concerning the development of indigenous tourism; to describe the problems of indigenous tourism emergence and development by the examples of some Russian regions since the mid 2000s to present time. The problems of indigenous tourism development were reviewed with the examples of several Russian regions. Yamalo-Nenets Autonomous Okrug and Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra territories were described as positives examples. Khabarovsk Krai and Altai Krai were reviewed as the example of fairly unsuccessful regions in terms of indigenous tourism. The analysis of the Russian experience of tourism development in the areas populated with indigenous peoples allows inferring that the development of indigenous tourism in Russia is still at its initial phase.

Ключевые слова: Российская Федерация, индигенный туризм, аборигенный туризм, этнический туризм, коренные малочисленные народы.

Keywords: Russian Federation, indigenous tourism, aboriginal tourism, ethnic tourism, indigenous peoples.

В последние годы всё больше представителей коренных народов по всему миру переориентируются с традиционных видов деятельности на сферу услуг. В разных уголках земли растёт значение туристической деятельности, организуемой с участием коренных народов. За рубежом данное направление туризма является одним из самых быстрорастущих сегментов туристского рынка и в разных странах определяется либо как «индигенный туризм» (indigenous tourism), либо как «аборигенный туризм» (aboriginal tourism) [13, с. 2].

Индигенный туризм приобретает все более глобальные масштабы и постепенно начинает формироваться и в России. В этой связи целью данной статьи является исследование российского опыта развития индигенного туризма и включения коренных малочисленных народов России в туристическую деятельность. Данная тема имеет особую актуальность, поскольку Российская Федерация обладает огромным потенциалом для развития индигенного туризма, а именно:

- уникальным составом коренных малочисленных народов, сохраняющих традиционные системы жизнеобеспечения;

- многообразием культурного и языкового наследия коренных малочисленных народов;

- большим количеством объектов культурно-исторического наследия коренных малочисленных народов (священные места, архитектурные и археологические памятники, этнографические музеи, центры народных промыслов и т. д.);

- высоким природно-рекреационным потенциалом территорий исконного проживания коренных малочисленных народов;

- сетью общин коренных малочисленных народов, готовых работать в сфере туризма.

В соответствии с поставленной целью в статье сформулированы следующие задачи: проанализировать терминологические проблемы, связанные с определением индигенного туризма; представить ориентиры российской государственной политики в сфере развития индигенного туризма; охарактеризовать проблемы становления индигенного туризма на примере нескольких российских регионов в период с середины 2000-х гг. по настоящее время.

Индигенный туризм является одной из форм альтернативного туризма, наряду с экотуризмом, агротуризмом, спортивным туризмом и т. д. С. Медлик относит к альтернативному туризму такие формы туризма, которые в своем стремлении усилить положительные социальные, культурные и экологические последствия туристической деятельности и избежать отрицательных последствий, выступают альтернати-

вой массовому туризму. По С. Медлику альтернативный туризм характеризуется малым масштабом, персонализацией и независимостью, небольшим количеством туристических групп, регулируемым развитием, а также акцентированием путешествий на жизненном опыте принимающих культур, сохранении и поддержании традиционных ценностей и обществ [12, с. 11].

Специфика индигенного туризма подразумевает непосредственный контакт с самобытной культурой, хозяйством и бытом коренных народов. В соответствии с определением Р. Батлера и Т. Хинча, индигенный туризм – это туристическая деятельность, основанная на привлекательности культуры коренных народов, в которой коренные народы участвуют либо непосредственно, либо через контроль над ней [11, с. 5].

В мировой практике накоплен значительный опыт в организации индигенного туризма. Этот тренд в развитии индустрии туризма реализуется, прежде всего, в Австралии, Канаде, США и Латинской Америке. Тем не менее развитие индигенного туризма вызывает у зарубежных экспертов неоднозначную оценку. Прежде всего, полемика ведется вокруг вопроса – какие возможности и угрозы несет коренным народам участие в сфере туризма. Отметим, что многие национальные правительства и международные организации рассматривают индигенный туризм как средство устойчивого экономического и социального развития коренных народов, способствующее сплоченности общин и сохранению культурных традиций, а в некоторых случаях и традиционных земель. В то же время параллельно существуют представления о потенциальной эксплуатации групп коренного населения в рамках индигенного туризма, о неизбежности аккумуляции и разрушения социальной ткани общества коренных народов и необратимом уничтожении их естественной среды обитания [10, с. 12; 11, с. 3 – 4].

В России индигенный туризм не выделяется как самостоятельное направление туризма, а рассматривается в качестве компонента этнического туризма. Наиболее распространенное определение этнического туризма, установившееся в отечественной литературе, в обобщенном виде звучит так: этнический туризм – это разновидность культурно-познавательного туризма, ставящая перед собой целью ознакомление с самобытной культурой, бытом, традициями и обычаями различных народов.

Обратим внимание, что эпитет «этнический» не единственный, который применяется в России для обозначения рассматриваемой разновидности культурно-познавательного туризма. Наряду с термином «этнический туризм» (сокращенно «этнотуризм»), употребляются такие формулировки, как «этнографический туризм», «этнокультурный туризм», «этнологический туризм». Однако наибольшее признание получили два термина – «этнический туризм» и «этнографический туризм». При этом во многих работах эти термины употребляются как синонимы [2; 7; 8], хотя некоторые авторы все же предлагают дифференцировать понятия «этнический туризм» и «этнографический туризм» [6, с. 178; 9, с. 2].

Этнический туризм имеет тенденцию к диверсификации и в настоящее время в структуре этнического туризма выделяют, помимо индигенного туризма, еще несколько подвидов – ностальгический (генеалогический), антропологический, джайлоо-туризм. Формирование новых подвидов этнического туризма позволяет ряду авторов говорить о целесообразности признания этнического туризма в качестве самостоятельного вида туризма [1, с. 107; 4, с. 182].

Не касаясь более вопросов терминологии и классификационных критериев этнического туризма, не являющихся предметом данной статьи, перейдем к характеристике индигенного туризма. Прежде всего, обратим внимание, что в российском академическом дискурсе в отношении туристической деятельности, организуемой в сообществах коренных народов, преимущественно используется термин «аборигенный туризм», нежели «индигенный туризм». Представим несколько подобных дефиниций, сформулированных в работах отечественных исследователей:

«...аборигенный туризм – это тот сегмент туристической деятельности, в котором участвует коренное население, чья этническая особенность и является основной туристической достопримечательностью» [3, с. 15];

«...аборигенный туризм – это этнический туризм с участием (вовлечением) представителей коренного населения. Такой туризм подразумевает погружение туриста в среду коренного населения, непосредственное знакомство с местной национальной культурой» [7, с. 53];

«Аборигенный туризм (aboriginal tourism, indigenous tourism) – вид туризма, в котором коренные народы непосредственно вовлечены в организацию туристической индустрии» [4, с. 181].

За рубежом в качестве наименования рассматриваемого нами сегмента туристической индустрии используются оба термина, как «аборигенный туризм», так и «индигенный туризм». При этом оба термина используются практически как равнозначные и синонимичные понятия. Обыкновенно выбор термина зависит от исторически сложившихся в отдельных странах традиций обозначения коренного населения. Например, в Австралии, Канаде, США широко используется термин «аборигенный туризм», поскольку именно в отношении коренных жителей данных государств, открытых европейцами в Новое время, закрепился в английском языке термин «аборигены». В то же время в указанных странах и в целом во всем мире все большее распространение и признание получает термин «индигенный туризм». Данное обстоятельство связано с тем, что в последние десятилетия термин «индигенные народы» (indigenous peoples) приобрел на глобальном уровне большое влияние и стал использоваться в международном праве и системе учреждений ООН для идентификации различных групп коренного населения без учета национальных границ или местных норм.

В данной работе мы придерживаемся мнения о целесообразности употребления в России термина «индигенный туризм», хотя и не отрицаем его синонимичности с термином «аборигенный туризм». Наш выбор одного из двух равнозначных терминов в качестве основного обусловлен не только тем, что термин

«индигенные народы» входит в международно-правовую лексику, но и тем, что он нейтрален в оценочном отношении, не содержит ни позитивной, ни негативной оценки коренных народов. Между тем термин «аборигены» может иметь в России отрицательные коннотации, вызываемые прочной и устоявшейся еще с советских лет ассоциацией с людьми, ведущими первобытный образ жизни, которых не коснулся научно-технический прогресс. В частности, пренебрежительный оттенок термина «абориген» зафиксирован в «Словаре социолингвистических терминов» [5, с. 17].

В индигенном туризме объектом туристских программ выступают представители коренных народов. Это очевидный факт, но в российской действительности он требует уточнения. Речь о том, что термин «индигенные (коренные) народы», употребляемый в контексте международного права не совпадает по содержанию с одноименным понятием, используемым в российском законодательстве. В первом случае юридический, международный стандарт для использования термина «индигенные (коренные) народы», представленный в Конвенции МОТ № 169 (1989 г.), распространяется на коренные и племенные народы вне зависимости от их численности; во втором случае – конституционное признание прав, соответствующих международным нормам, в России получили только коренные малочисленные народы, насчитывающие до 50 тысяч человек.

Это различие имеет существенное значение для понимания того, что в России с юридической точки зрения коренными народами может именоваться лишь некоторая часть автохтонных народов, подпадающих под действие Конвенции МОТ № 169. И эти народы, чья численность не превышает установленный лимит, с 2000 г. включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. В настоящее время в данный правительственный список входит 47 народов (не считая 14 коренных малочисленных народов Дагестана).

Как видно, в России в определении объекта индигенного туризма возможны разногласия – «коренные народы» или «коренные малочисленные народы». На наш взгляд, решение проблемы лежит в области российского права, и поэтому в российских реалиях именно представители коренных малочисленных народов выступают объектом индигенного туризма. В этой связи более крупные автохтонные этнические общности России, не обладающие правовым статусом коренных народов, выступают объектом туристских программ этнического туризма.

В современной России на реализацию концепции индигенного туризма возлагаются большие надежды. С развитием индигенного туризма ассоциируется решение множества проблем коренных малочисленных народов, связанных с сохранением исторического и культурного наследия, обеспечением занятости, повышением уровня и улучшением качества жизни. В этой связи необходимость развития индигенного туризма постулирована в стране на государственном уровне. В Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (2009 г.) отмечается,

что для решения задачи развития и модернизации традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов необходимо развитие этнотуризма и экологического туризма с участием представителей коренных малочисленных народов в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности.

Однако на сегодняшний день индигенный туризм получил апробацию лишь в нескольких российских регионах. Пионерами по развитию индигенного туризма в России стали Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) и Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (ХМАО).

В середине 2000-х гг. в Ямало-Ненецком автономном округе был предпринят ряд мер по развитию туристской индустрии, сыгравших в числе прочего важную роль в вовлечении коренных малочисленных народов округа в туристическую деятельность. Прежде всего, в 2005 г. в округе было учреждено Агентство по туризму ЯНАО. При участии данного агентства в округе была проведена большая работа по разработке и принятию нормативно-правовых документов по поддержке туристской индустрии. Принятые документы – «Концепция развития туризма в Ямало-Ненецком автономном округе на период 2007 – 2010 гг.» (2006 г.), «Закон о туристской деятельности в Ямало-Ненецком автономном округе» (2007 г.), «Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа» (2009 г.) – неизменно включали в себя нормы о поддержке этнографического туризма с участием коренных малочисленных народов Севера.

Деятельность органов власти ЯНАО по развитию туристической отрасли не ограничивается принятием нормативных правовых актов. Еще в 2006 г. в ЯНАО было создано Государственное бюджетное учреждение «Ямалтур» (г. Салехард) с целью развития внутреннего и въездного туризма. «Ямалтур» стал одним из первых туроператоров в стране, занявшимся разработкой этнографических туров, знакомящих туристов с жизнью и культурой коренных народов Севера – ненцев, хантов, селькупов.

В настоящее время в ЯНАО разработано несколько видов этнографических маршрутов. Программы этнотуров обычно включают экскурсии на Природно-этнографический комплекс в поселке Горнокизевск и Музейно-выставочный комплекс им. И. С. Шемановского (г. Салехард), рассказывающих об истории Ямала, культуре и традиционном образе жизни коренных народов Севера.

Кроме музейных экспозиций программы этнотуров могут включать в себя посещение традиционных праздников коренных народов Севера – «Ворна Хатл» («Вороний день»), День оленевода и др. Ключевым элементом программы этнотуров в ЯНАО является посещение оленеводческих стойбищ. Проживание в оленеводческом стойбище позволяет путешественникам погрузиться в реальную жизнь коренных народов Севера, пожить в настоящем чуме, познакомиться с кочевым укладом жизни, самобытной культурой и древними традициями, отведать блюда традиционной кухни, покататься на оленьих упряжках, поучаствовать в отлове оленей и иных хозяйственных занятиях.

Деятельность туроператоров в ЯНАО в сфере индигенного туризма основывается на соглашениях с общинами коренных малочисленных народов по организации и приёму туристов. В настоящее время у общин коренных малочисленных народов ЯНАО имеется большой опыт приема отечественных и зарубежных туристов на своих оленеводческих стойбищах. По данным Департамента молодёжной политики и туризма ЯНАО в сфере туризма задействовано 16 общин народов Севера и 1 индивидуальный предприниматель из числа коренного населения, а еще 3 общины и 9 индивидуальных предпринимателей из числа коренного населения планируют осуществлять деятельность в сфере туризма (*Прим. автора: Предприятия КМНС, осуществляющие или планирующие осуществлять деятельность в сфере туризма // Департамент молодёжной политики и туризма ЯНАО: сайт. URL: <http://yamolod.ru/kategorii/turindustriya-ya-nao> (дата обращения: 14.09.2015)*).

Руководство ЯНАО стремится поддерживать развитие туристских предприятий автономного округа и с 2012 г. проводит конкурс на лучшие туристические проекты в области внутреннего и въездного туризма. Ежегодно в округе присуждается 6 грантов, размеры которых составляют от 200 до 700 тысяч рублей.

В середине 2000-х гг. руководство Ханты-Мансийского автономного округа – Югры также оценило перспективы туристической отрасли и взяло курс на ее развитие. Со временем руководство ХМАО утвердилось во мнении, что самобытная этническая культура, традиционный образ жизни и древние промыслы ханты, манси и ненцев – коренных малочисленных народов округа, выступают локальным туристическим брендом.

В ХМАО был принят ряд нормативно-правовых документов, включавших в себя нормы о необходимости развития этнографического туризма и создания условий для вовлечения коренных малочисленных народов округа в туристическую деятельность. Это – «Развитие туризма в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» на 2008 – 2013 гг.» (2008 г.), «Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» (2011 г.), «Концепция развития внутреннего и въездного туризма в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» (2012 г.), «Закон о туризме в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» (2012 г.), «Стратегия социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2020 г. и на период до 2030 г.» (2013 г.).

В ХМАО ведется активная работа по воплощению в жизнь сформулированных в нормативно-правовых актах приоритетов и задач в сфере туризма. В 2013 г. Правительство ХМАО заявило о планируемом вложении инвестиций в сферу туризма на сумму в 5 млрд рублей. С 2013 г. в рамках государственной программы «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на 2014 – 2020 гг.» осуществляется грантовая поддержка проектов коренных малочисленных народов в сфере этнографического туризма. Ежегодно в округе присуждается 6 грантов,

размеры которых составляют от 750 до 3500 тыс. рублей.

В течение 2000-х гг. туроператоры ХМАО разработали ряд этнографических туров, знакомящих туристов с традиционной культурой и традиционным хозяйством ханты, манси и ненцев. Программы этнотуров в ХМАО включают в себя экскурсии в этнографический музей-заповедник под открытым небом «Торум Маа» (г. Ханты-Мансийск) и поселки коренных малочисленных народов, ознакомление с традиционными праздниками, такими как «Вурнга хатл» («Вороний день») и «Вурщих хатл» («Праздник трясогузки»), культовый праздник «Медвежки игрища», спортивный праздник «День Обласа», оленеводческий праздник «День оленевода».

Для наиболее близкого знакомства с жизнью коренных малочисленных народов туристам в ХМАО предоставляется возможность посетить и пожить на стойбищах оленеводов. По данным Управления туризма Департамента природных ресурсов и несырьевого сектора экономики ХМАО на начало 2014 г. в регионе осуществляли деятельность по приему туристов 12 национальных общин коренных малочисленных народов (*Прим. автора: Национальные общины, принимающие туристов // Туризм в Югре: сайт. URL: <http://www.tourism.admhmao.ru/wps/portal/tur/home/tourism-in-ugra/material/tur-tourism-in-ugra-etno-tourism/ac4c9a8a-13b9-4d40-ae5f-cd707b51e489> (дата обращения: 14.09.2015)*). Посещение стойбищ позволяет туристам посмотреть на хозяйственную деятельность оленеводов, пожить в чумах, услышать традиционные песни, попробовать национальную кухню, принять участие в сборе ягод, рыбалке и т. д.

Осуществляемая органами управления Ямало-Ненецкого АО и Ханты-Мансийского АО последовательная политика поддержки предпринимательской деятельности общин коренных малочисленных народов в сфере этнографического туризма не имеет аналогов по стране. В этой связи перспективы развития индигенного туризма в других российских регионах достаточно неопределенны. Тем не менее в ряде субъектов России имеются отдельные примеры участия общин коренных малочисленных народов в туристической деятельности без правовой и финансовой поддержки со стороны федеральных и региональных властей. Приведем лишь два примера.

Так, в с. Сикачи-Алян Хабаровского края община коренного малочисленного народа – нанайцев «Сородичи» открыла в 2013 г. гостевой домик «Нанайская фанза» для приема туристов. Часть финансовых средств (250 тыс. руб.) на строительство домика община получила от Администрации Хабаровского района в виде муниципального гранта на развитие туризма (*Прим. автора: ДВГУПС помог нанайцам организовать бизнес // Информационное агентство «Восток-Медиа»: сайт. 26.12.2013. URL: <http://www.vostokmedia.com/n184526.html> (дата обращения: 14.09.2015)*). Этнографический тур в нанайскую общину включает в себя встречи и проводы гостей в фольклорном стиле (концерт), экскурсию на петроглифы в окрестностях села, мастер-классы по разделке рыбы, бересте, вышивке, шаманскому танцу, игре на нанайских музыкальных инструментах и изготовле-

нию нанайских сувениров, дегустацию национальной кухни, фотосессию в нанайских костюмах и т. д.

В Алтайском крае представители коренного малочисленного народа – кумандинцев прилагают усилия для развития в местах своего проживания этнографического туризма. Действующие в с. Красногорское «Алтайская региональная общественная организация кумандинцев «Тореен чер» (Родина)» и «Национально-культурный центр кумандинской культуры» заключили в 2014 г. соглашение с туристической компанией ООО «Алтай Тур» о сотрудничестве на туристическом маршруте «Малое Золотое кольцо Алтая». Данный маршрут представляет собой автопутешествие и включает в себя посещение двух городов и четырех районов края. В соответствии с соглашением кумандинцы с. Красногорское разработали несколько видов культурных программ в зависимости от состава целевой аудитории: для детей, взрослых, людей пожилого возраста и иностранцев. Предлагаемые культурные программы включают в себя выступление фольклорной группы «Одычак» (Огонек), исполняющей кумандинские песни и частушки, проведение традиционных обрядов, знакомство с мифами и легендами кумандинцев, мастер-классы по приготовлению этнических блюд, демонстрацию музейных экспозиций и фотовыставок, реализацию сувенирной продукции, фотосессию в этнических костюмах

(Прим. автора: Интервью с руководителем «Национально-культурного центра кумандинской культуры» (с. Красногорское) А. Д. Амировой от 19.08.2014 г. // Архив автора).

Анализ российского опыта организации туризма в районах проживания коренных малочисленных народов позволяет говорить, что становление индигенного туризма в России находится на ранней стадии развития. Индигенный туризм как самостоятельное направление занимает незначительное место в российских туристских потоках. Рыночный сегмент индигенного туризма в России еще достаточно узок и поэтому индигенный туризм часто выступает в качестве одного из элементов интегральных турпродуктов.

В России еще нет осознанной политики в сфере индигенного туризма, нет единой разработанной стратегии по поддержке и развитию индигенного туризма. Проблемы организации индигенного туризма решаются в стране в определенном смысле стихийно, без конструктивной концептуальной основы и действенной законодательной базы на федеральном уровне. В этой связи особое значение в развитии индигенного туризма в России на местах, в продвижении туристического продукта коренных малочисленных народов имеет правовая и финансовая поддержка со стороны, прежде всего, региональных и районных властей.

Литература

1. Барлукова А. В. Классификационный статус этнического туризма // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2010. № 4(72). С. 106 – 108.
2. Курина В. Культурно-познавательные возможности этнического туризма // Все о туризме – туристическая библиотека. Режим доступа: http://tourlib.net/stati_tourism/curina.htm (дата обращения: 14.08.2015).
3. Моралева Н. В., Ледовских Е. Ю., Келер Т., Киричевский Д. В., Рубцова М. Ю., Чижова В. П. Аборигенный экотуризм: методическое пособие. М.: ЦС КМНС, 2008. 108 с.
4. Святоха Н. Ю., Филимонова И. Ю. Подходы к классификации этнического туризма // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2014. № 6(167). С. 179 – 183.
5. Словарь социолингвистических терминов. М.: Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.
6. Стрельникова М. А. Этнографический туризм: реальность и перспективы // Наука и мир. 2014. № 10(14). Т. 1. С. 178 – 180.
7. Сундуев Ч. Б., Хышиктуева Л. В. Этнотуризм как одно из направлений культурно-познавательного туризма // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2009. № 4. С. 53 – 56.
8. Суртаев Б. М. Этнографический туризм как способ сохранения и возрождения этнокультурного наследия // Вестник угроведения. 2012. № 1(8). С. 178 – 182.
9. Щукин А. И. Предпосылки и факторы развития этнического туризма на Северо-Западе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. СПб.: СПбГУ, 2002. 22 с.
10. Bresner K. Othering, Power Relations, and Indigenous Tourism: Experiences in Australia's Northern Territory // PlatForum. 2010. Vol. 11. P. 10 – 26.
11. Butler R., Hinch T. Introduction: revisiting common ground // Tourism and Indigenous Peoples: Issues and Implications. Oxford: Butterworth-Heinemann, 2007. P. 1 – 12.
12. Medlik S. Dictionary of Travel, Tourism and Hospitality. Oxford: Butterworth-Heinemann, 2003. 273 p.
13. Tremblay P., Wegner A. Indigenous/aboriginal Tourism Research in Australia (2000 – 2008): Industry Lessons and Future Research Needs. Gold Coast, QLD: CRC for Sustainable Tourism Pty Ltd, 2009. 102 p.

Информация об авторах:

Чемчиева Аржана Петровна – кандидат философских наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, arjana@ngs.ru.

Arzhana P. Chemchieva – Candidate of Philosophy, Research Associate at the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.